

О ТРЕХ ИПОСТАСЯХ ЛАФОНТЕНА: БАСНЯХ, СТИХОТВОРНЫХ НОВЕЛЛАХ И ЭПИГРАММАХ

Изо всех наших поэтов наиболее французским является Лафонтен.

*Низар,
французский критик
и историк литературы (XIX век)*

При слове «Лафонтен» перед широким читателем всплывает образ великого баснописца. Даже обычно не слышавший о нем школьник начальных классов знаком с дедушкой Жаном, которого другой дедушка, Иван, чье имя счастливо совпало с его французским аналогом Жан, конгениально изложил по-русски, прежде всего в знаменитых баснях «Ворона и Лисица» и «Стрекоза и Муравей».

С Лафонтеном по мощи таланта может поспорить только Эзоп, тем более что именно легендарный грек через разделяющие их двадцать два столетия предоставил французскому моралисту для заимствования наиболее интересные сюжеты. В свою очередь тот, кто первым канонизировал басню, то есть Эзоп, материал для своих детищ наверняка почерпнул из самых глубин народной мудрости.

Впрочем, измерять и сравнивать достоинства того и другого баснописца весьма не просто. Если пойти по возрастанию их ценностной значимости, то в баснях найдутся и несовместимые между собой формальные отличия, — например, Эзоп излагал свой материал прозой, а Лафонтен — стихами; и личностные их качества, мало сочетаемые одно с другим: Эзоп поражал незыблемостью здравого смысла, а Лафонтен — простодушием изложения поучительных историй; и разные новшества, вводимые этими двумя авторами. Последний тезис рассмотрим детальнее. Госпожа мораль, прежде чем притча оформилась в басню как новую жанровую категорию, держала в полной зависимости иллюстрирующий ее

текст. А с появлением Эзопа она утратила свое доминирующее положение: если раньше иносказание, то есть сравнение по неявному признаку, характерное для притчи, могло быть понято только в определенной ситуации и, как следствие, не поддавалось обобщениям, то теперь такие обобщения стали возможны благодаря тому, что, исходя из греческого принципа соблюдать во всем меру, Эзоп у своих произведений уравнивал повествовательную часть и нравоучение; Лафонтен же произвел новую революцию: пойдя еще дальше греков, он предшествующую рассказу или чаще завершающую повествование мораль превратил в служанку, а сам рассказ — в ее господина. Если, ввиду некоторой сухости отца басни Эзопа, считалось, «что основное украшение басен состоит в том, что они оных украшений не имеют»¹, то Лафонтен собственным творчеством доказал обратное. Он перевел басню из сухого морализирования в лирическое русло, где мораль не навязывается, а скорей с некоторой иронией преподносится как предмет для обоюдных с читателем размышлений. У него на малом пространстве соединяются все компоненты поэзии. Басня Лафонтена, заслужившего прозвище французского Гомера, повествовательным началом связана с эпикой, наглядностью — с живописным образом, типажам и яркостью характеров — с драмой, формой — с поэзией гномической. Раз уж мы заговорили о театральности его басен, то нельзя не добавить, что на подмостках, сооруженных им для воссоздания животных и полнокровно живущей природы, мы наблюдаем в сокращении все виды драмы, начиная с высокой комедии и трагедии и кончая самым простым — водевилем.

Поскольку басня маскирует предмет своего осмеяния, но в то же время прозрачно на него намекает, Лафонтен, которого друзья прозвали «простодушным добряком», осторожно вводит читателя в сказочный мир и, показав через животных или через образы неживой

---

¹ Это изречение принадлежит литературному критику и известному парижскому адвокату, члену Французской академии Оливье Патрю (1604—1681).

природы людские недостатки, так же деликатно возвращает его в мир реальный. Именно этой деликатностью басни Лафонтена отличаются от современных ему комедий Мольера и сатир Буало: комедии и сатиры больно ранят осмеиваемых персонажей, а басни только намекают и, намекая, споткнувшихся воспитывают.

Но при всем при том простодушный добряк умел, подобно актеру, на какое-то время преобразиться и в беспощадного эпиграмматиста, возможно, потому, что вторая долгожительница и спутница басни, эпиграмма, сверх того, как показал в XVIII веке немецкий остро слов и теоретик искусства Готхольд Эфраим Лессинг, приходится ей родственницей и, стало быть, подсказывает сатирикам некоторые подходы, равно характерные для басни. А поскольку при Лессинге наиболее распространена была так называемая эпиграмматическая сказка, представляющая собой крохотную новеллу со своей фабулой, то литературовед, не беря в расчет другие виды эпиграммы, такие как юмористическая или сатирическая эпитафия, остроконечная песенка-издевка, эпиграмма, построенная на игре слов, наконец, лобовая атака противника с нанесением ему словесного оскорбления, подметил, что композиционно, правда только в абстракции, эпиграмма двухчастна.

В первой части, или в завязке, вызывается интерес слушателя, а во второй части, или в развязке, этот интерес удовлетворяется неожиданным, как в анекдоте, образом. Иначе говоря, автор, стараясь поразить жертву, с наибольшим эффектом ведет нас в ложном направлении и лишь в заключительной фразе, иногда даже в последнем слове, вдруг поворачивает вспять то, что развивалось естественно и, казалось бы, благоприятно для адресата эпиграммы. Эта развязка в эпиграмме называется пуантом.

Зато басня, по мысли Лессинга, одночастна. Вспомним хотя бы Эзопов сюжет о вороне и лисице: способ выманить у глупой птицы кусок мяса (в переложениях Лафонтена и Крылова — сыра) предугадывается задолго до финала, и план хитрой лисицы осуществляется без каких-либо отклонений.

Но вдруг оказывается, что жанровые границы между басней и эпиграммой иногда рушатся. Знарок обоих жанров, Лессинг, в соответствии со своими взглядами, склонен был называть басней 21-ю эпиграмму римлянина Авсония, которую тот заимствовал у греческого философа Платона:

Нищий повеситься шел, но в чашобе наткнулся на злато.
Вытащив клад из земли, с шеи он сбросил петлю.
Бывший владелец, узрев через час, что на месте нет злата,
Поднял с земли и надел в гóре на шею петлю.

Еще более убедительный пример приводит Лессинг, обратившись к такому эпиграмматическому дистиху Платона:

Нищий, ногами больной, сел на плечи слепого бродяги.
Первый вмиг ноги обрел, сразу стал зрячим второй.

Но с одинаковым правом мы можем утверждать и обратное, что, например, не на басню, а на эпиграмму с неожиданной концовкой походит Эзопова история «Старик и смерть»:

«Старик нарубил однажды дров и потащил их на себе; дорога была дальняя, устал он идти, сбросил ношу и стал молить о кончине. Явилась смерть и спросила: зачем он ее звал. „Чтобы ты подняла мне эту ношу“, — ответил старик» (*перевод М. Гаспарова*).

Нас не должно смущать, что у Эзопа далее еще следует мораль и что все это изложено прозой: позднее Лафонтен и Буало этот же сюжет зарифмовали, а думать о морали предоставили самому читателю. Когда французский сатирик конца XVIII — начала XIX века Экушар-Лебрэн в собрание своих образцовых эпиграмм включил два десятистишия «Сыч и Орел» и «Соловей и Гусята», то, хотя он не сделал подзаголовков, указывающих, что это басни, поэт в самих текстах названия птиц поставил с прописной буквы, как это было у французов в то время принято для всех персонажей басенного жанра¹.

---

¹ В XVII же веке Лафонтен названия своих басенных героев писал еще со строчной буквы.

Из всего вышесказанного вытекает, что басня и эпиграмма — сестры, и можно даже углубить эти родственные связи: сестры не только по композиционной структуре, но и по тем задачам, которые они перед собой ставят. Одним из доказательств является наблюдение английского поэта Роберта Хеймэна, который, правда, эпиграмму сопоставил с проповедью, но в том, что проповедь и басня преследуют одну и ту же цель, вряд ли кто усомнится (например, французский проповедник и педагог Жозеф Рер выпустил сборник своих проповедей и сочинял басни). А Хеймэн высказался так:

Казня порок, расчислить к правде путь —
Вот эпиграмм и проповедей суть.
Но эпиграмма вся в шипах острот,
А проповедь на жалость больше бьет.

Конечно, жалость басне свойственна куда меньше, чем проповеди. Но дело не в этом. Нас интересует цель: «Казня порок, расчислить к правде путь».

Лафонтен путь к правде расчищал не очень большим количеством эпиграмм, но настолько талантливо, что вошел в число лучших острословов. А французы так высоко ставили острословие, что, если кому-нибудь из них удавалось сочинить даже только одну, но сражающую наповал эпиграмму, такой счастливчик обеспечивал себе славу полноправного поэта. С учетом того, что французы считаются одними из лучших острословов мира, а на наш взгляд, они лучшие, можно сделать вывод, что если бы после смерти Лафонтена сохранились только его эпиграммы, и в этом случае он продолжил бы жизнь как незаурядный литератор.

Добродушный Лафонтен, как он был прозван своими современниками, старался сочинять эпиграммы, следуя примеру самого искусного в этом жанре римского поэта Марциала (I век н. э.), который стремился к предельной обобщенности эпиграмм: «Лиц не касаясь, они только пороки громят». Впрочем, иногда он, ради красного словца, не мог удержаться, чтобы не задеть умирающего коллегу Поля Скаррона или обаятельную Клодину, молодую жену старого поэта Гийома Кольте, часть

стихотворений которого она присваивала себе, а после смерти мужа, естественно, утратила поэтический голос. Но Лафонтен и Скаррона задел не обидно, а как бы прославляя его преданность поэзии, когда терзаемый болезнью поэт даже перед лицом смерти был не в силах расстаться со своей музой. Да и Клодину влюбленный в нее Лафонтен не успел покритиковать, как тут же составил ей мадригал.

А следует отметить, что, хотя мадригал является антиподом эпитагмы и создан не для порицания какого-либо персонажа, а для его восхваления, он, как и эпитагма, требует пуанта, остроумной концовки. Это особенно относилось к XVII веку, когда почти вся прециозная поэзия зиждилась на отточили высказанной мысли. Лафонтен охотно прибегал к мадригалам, которые он прежде всего адресовал женщинам и, уже по необходимости, другим, в частности Людовику XIV, по ряду причин не очень милостивому к этому подданному.

Возвращаясь к эпитагмам, добавим еще, что многие из них он сочинил, основываясь на сугубо собственном отношении к жизни. Так, не отличаясь домовитостью, он из наследного Шато-Тьерри уехал от жены в Париж, где и проводил свое время до самой смерти. Поэтому в эпитагмах Лафонтен неоднократно насмеяется над браком. Но как в баснях его мастерство никогда не подвергалось критике, а только позиция как моралиста, так точно и в жанре эпитагмы суждения сатирика иногда сомнительны, но всегда остроумны.

Если говорить об остальном творчестве французского Гомера, то, как ни обширен и ни разнообразен его диапазон от комедий до дидактических поэм с учетом даже прекрасной повести, перемежаемой стихами, «Любовь Психеи и Амура» по мотивам латинского писателя Апулея, оно уступает его басням и эпитагмам, исключая третью ипостась, в которой Лафонтен не только раскрылся с предельной полнотой, но поначалу и делал на нее ставку. Речь идет о стихотворных новеллах и так называемых сказках. Уместно отметить, что два основных сборника басен Лафонтен выпустил, когда ему исполнилось, соответственно, 47 и 57 лет и когда

он был уже умудрен опытом. А новеллами и сказками он увлекся в более молодом возрасте по вполне понятным причинам.

Жанр, родоначальником которого ему суждено было стать, преисполнен эротики. Перелагатель разных народов в басне и даже частично в эпиграмме здесь тоже заглянул в глубь веков и нашел созвучные себе темы в итальянских новеллах Боккаччо и Макиавелли, в рыцарской поэме Ариосто «Неистовый Роланд», наконец, во французских новеллах столетней давности, причем не забыл и о старофранцузских фавлю XII—XIV веков, которые представляют собой короткие стихотворные повести комического или сатирического содержания. В новелле же «Аббатиса» Лафонтен в виде лирического отступления зарифмовал знаменитую историю о Панурговом стаде из четвертой книги романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Каждое повествование поэт стилизовал под старину, для чего воспользовался слогом Клемана Маро, поэта столетней давности, чтением которого он увлекался уже в молодые годы. Хотя новеллы и сказки Лафонтена эротически окрашены настолько ярко, что в 1674 году их издание даже было запрещено министром Кольбером, следует заметить, что рассказчик на чисто французский лад вкладывает в новеллы и сказки больше умственной игры, чем страсти, больше веселости, чем сладострастия. Создается впечатление, что он старался недвусмысленные, нескромные пассажи наполнить остроумием и бесшабашным озорством. В них угадывались истории, которыми после бутылки доброго бургонского любили обмениваться французские донжуаны. Единственное, что ставили в упрек Лафонтену, — иногда встречающиеся у него длинноты. Но ими страдали многие, даже автор «Илиады» и «Одиссеи», о котором Вольтер, в частности наудачнейший продолжатель жанра стихотворной новеллы, однажды сказал:

Хвала и слава старому Гомеру!
Он, как герои из его поэм,
Полн недостатков и болтлив не в меру,
Но как он превосходен между тем!

После такого четверостишия как было не удивиться моралисту Жозефу Жуберу (1754—1824), произнесшему: «Просто не верится, что французским Гомером стал Лафонтен». Что же касается непосредственно лафонтеновских стихотворных новелл, то, поскольку немцы прославились теоретическим мышлением, после ссылок на Лессинга процитируем еще одного германского литературоведа, Шлегеля, который в лекции, читанной им в Вене двести лет назад (в 1812 году), отметил: «Особенная прелесть Лафонтена, состоящая в преднамеренно небрежной подаче поэтических сказок, осталась неподражаемой»¹. Добавим, что неподражаемым поэт был прозван и в басенном жанре.

Хотя многие современники Лафонтена находили в его стихотворных рассказах остроумия даже больше, чем в баснях, в конце концов все точки над *i* расставило время и басня одержала заслуженную победу. Думается, что серебро, доставшееся стихотворной новелле, делает ей честь, особенно потому, что в состязании между басней, новеллой и эпиграммой золото, серебро и бронза добыты одним и тем же пером.

Владимир Васильев

---

¹ История древней и новой литературы. Ч. II. СПб.: Издание Смирдина, 1824. С. 211.

Басни

•

Fables

1. LE CORBEAU ET LE RENARD.

Maître Corbeau, sur un arbre perché,
Tenait en son bec un fromage.
Maître Renard, par l'odeur alléché,
Lui tint à peu près ce langage :
« Hé ! bonjour, Monsieur du Corbeau,
Que vous êtes joli ! que vous me semblez beau !
Sans mentir, si votre ramage
Se rapporte à votre plumage,
Vous êtes le Phénix des hôtes de ces bois.
À ces mots le Corbeau ne se sent pas de joie,
Et pour montrer sa belle voix,
Il ouvre un large bec, laisse tomber sa proie.
Le Renard s'en saisit, et dit : Mon bon Monsieur,
Apprenez que tout flatteur
Vit aux dépens de celui qui l'écoute.
Cette leçon vaut bien un fromage sans doute. »
Le Corbeau honteux et confus
Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y prendrait plus.

1. ВОРОН И ЛИС

Почтенный Ворон сел на дуб. «Вот где поем», —
Решил он, в клюве сыр держа. А между тем
Почтенный Лис, внизу, почуяв сырный запах,
Так молвил Ворону, привстав на задних лапах:

«Как, сударь, ярок ваш окрас!

Как пышно ваше оперенье!

А ежели и ваше пенье

На соловьиное похоже, всюду вас

Почтут за истинное чудо.

Ну спойте что-нибудь, покуда

Вокруг полно зверей и птиц». От сих похвал

Пернатый на дубу рассудок потерял,

«Ах, — думает, — уж я ль себя не возвеличу?

Я голосом своим сражу всех наповал!

Кар!» — зычно каркнул он и выронил добычу.

Лис подхватил ее. «Надеюсь сей урок, —

Он крикнул Ворону, — пойдет вам, сударь, впрок!

Когда мы льстим, то мы вам голову морочим:

За лестью скрыт обман». Сконфуженный певец

Уразумел, поздненько впрочем,

Что лестью сыт он наконец.

2. LE RAT DE VILLE ET LE RAT DES CHAMPS.

Autrefois le Rat de ville
Invita le Rat des champs,
D'une façon fort civile,
A des reliefs d'ortolans.

Sur un tapis de Turquie
Le couvert se trouva mis :
Je laisse à penser la vie
Que firent ces deux amis.

Le régal fut fort honnête,
Rien ne manquait au festin ;
Mais quelqu'un troubla la fête,
Pendant qu'ils étaient en train.

A la porte de la salle
Ils entendirent du bruit ;
Le Rat de ville détale,
Son camarade le suit.

Le bruit cesse, on se retire :
Rats en campagne aussitôt ;
Et le Citadin de dire :
Achevons tout notre rôl.

C'est assez, dit le Rustique ;
Demain vous viendrez chez moi.
Ce n'est pas que je me pique
De tous vos festins de roi ;

2. МЫШЬ ГОРОДСКАЯ И МЫШЬ ДЕРЕВЕНСКАЯ

Погостить Городская мышь
Деревенскую пригласила:
«На господский дом поглядишь
И поешь голландского сыра».

Вот они устроили пир
На ковре самой виконтессы.
Перед ними сахар и сыр
И другие деликатесы.

Гостя впечатлений полна,
Сражена роскошной столовой.
Вдруг за дверью слышит она:
Резко скрипнул паркет дубовый.

Городская мышь в тот же миг —
Шмыг в нору, хоть враг и неведом.
Деревенская тоже — шмыг
За сметливой хозяйкой следом.

«Шум умолк, и я не боюсь
Вновь тебя пригласить в покои, —
Говорит хозяйка. — Там гусь,
Недоеденное жаркое».

А селянка в ответ: «О нет!
Ты ко мне погостить зашла бы.
Правда, там не ждут ни лангет,
Ни балык, ни гусь и ни крабы.

Mais rien ne vient m'interrompre ;
Je mange tout à loisir.
Adieu donc ; fi du plaisir
Que la crainte peut corrompre !

Стол, где в поле тебя приму,
Пусть не с барским накрыт размахом,
Что мне гусь, коль соус к нему
Не шафраном сдобрен, а страхом?»

3. LE DRAGON À PLUSIEURS TÊTES, ET LE DRAGON À PLUSIEURS QUEUES.

Un Envoyé du Grand Seigneur
Préférerait, dit l'Histoire, un jour chez l'Empereur
Les forces de son maître à celles de l'Empire.
Un Allemand se mit à dire :
Notre prince a des dépendants
Qui, de leur chef sont si puissants
Que chacun d'eux pourrait soudoyer une armée.
Le Chiaoux¹, homme de sens,
Lui dit : Je sais par renommée
Ce que chaque Électeur peut de monde fournir ;
Et cela me fait souvenir
D'une aventure étrange, et qui pourtant est vraie.
J'étais en un lieu sûr, lorsque je vis passer
Les cent têtes d'une Hydre au travers d'une haie :
Mon sang commence à se glacer ;
Et je crois qu'à moins on s'effraie.
Je n'en eus toutefois que la peur sans le mal.
Jamais le corps de l'animal
Ne put venir vers moi, ni trouver d'ouverture.
Je rêvais à cette aventure,
Quand un autre Dragon, qui n'avait qu'un seul chef
Et bien plus qu'une queue, à passer se présente.
Me voilà saisi derechef
D'étonnement et d'épouvante.
Ce chef passe, et le corps, et chaque queue aussi :
Rien ne les empêcha ; l'un fit chemin à l'autre.
Je soutiens qu'il en est ainsi
De votre Empereur et du nôtre.

---

¹ Ambassadeur turc.

3. ДРАКОН О СТА ГЛАВАХ И ДРАКОН О СТА ХВОСТАХ

Посол Империи Священной
С турецким встретился послом,
И разговор зашел о том,
Чья армия сильней. В беседе откровенной
«Нам, — немец уверял, — легко войска собрать:
У всех вассалов есть своя большая рать».
А турок отвечал: «Я знаю. Но, не скрою,
Вассалы ваши мне напомнили как раз
Тот случай, что и впрямь произошел со мною,
Хотя диковинным покажется рассказ.
Однажды мирно я сидел за городской
Оградой. Вдруг меня объял смертельный страх:
К ограде подступил Дракон о ста главах.
Всё, думаю, пропал. Но гидре той стоголовой
С неуправляемой тщеславных глав оравой,
Уж как ни силилась она, проникнуть сквозь
Ограду крепкую так и не удалось.
Я не успел прийти в себя, как предо мною
Возник другой Дракон — всего с одной главою,
Зато о ста хвостах. Через ограду он
Просунул голову и шею —
И как же был я поражен,
Увидев, что вослед за нею
Пролезли с легкостью и тело, и хвосты.
А что до армии, то выводы просты
И разница вполне ясна нам
Меж императором стоголовым и султаном».

4. LES VOLEURS ET L'ÂNE.

Pour un Âne enlevé deux Voleurs se battaient :
L'un voulait le garder ; l'autre le voulait vendre.
Tandis que coups de poing trottaient,
Et que nos champions songeaient à se défendre,
Arrive un troisième Larron
Qui saisit Maître Aliboron.

L'Âne, c'est quelquefois une pauvre province :
Les Voleurs sont tel ou tel prince,
Comme le Transylvain, le Turc, et le Hongrois :
Au lieu de deux j'en ai rencontré trois.
Il est assez de cette marchandise.
De nul d'eux n'est souvent la province conquise ;
Un quart Voleur survient, qui les accorde net,
En se saisissant du Baudet.

4. ВОРЫ И ОСЕЛ

Украва осла, два Вора-забияки
Решали, что им дальше делать с ним:
«Оставим для себя!» — «Нет, лучше продадим!»

Когда раздор дошел до драки,
К животному подкрался третий Вор
И ослика в одну минуту спер.

Осел так сходен со владеньем, кое
Прибрать к рукам хотели, но не двое,
А целых трое хитростных владык:
Турецкий, трансильванский и венгерский.
Когда же споры их зашли в тупик,

Подкравшийся к задирам дерзкий
Четвертый Вор их всех обставил вмиг.

5. SIMONIDE PRÉSERVÉ PAR LES DIEUX.

On ne peut trop louer trois sortes de personnes :

Les Dieux, sa maîtresse, et son Roi.

Malherbe le disait ; j'y souscris quant à moi :

Ce sont maximes toujours bonnes.

La louange chatouille, et gagne les esprits ;

Les faveurs d'une belle en sont souvent le prix.

Voyons comme les Dieux l'ont quelquefois payée.

Simonide avait entrepris

L'éloge d'un Athlète, et, la chose essayée,

Il trouva son sujet plein de récits tout nus.

Les parents de l'Athlète étaient gens inconnus,

Son père, un bon Bourgeois, lui sans autre mérite ;

Matière infertile et petite.

Le Poète d'abord parla de son héros.

Après en avoir dit ce qu'il en pouvait dire,

Il se jette à côté, se met sur le propos

De Castor et Pollux ; ne manque pas d'écrire

Que leur exemple était aux lutteurs glorieux,

Elève leurs combats, spécifiant les lieux

Où ces frères s'étaient signalés davantage :

Enfin l'éloge de ces Dieux

Faisait les deux tiers de l'ouvrage.

L'Athlète avait promis d'en payer un talent ;

Mais quand il le vit, le Galand

N'en donna que le tiers, et dit fort franchement

Que Castor et Pollux acquitassent le reste.

Faites-vous contenter par ce couple céleste ;

Je vous veux traiter cependant :

Venez souper chez moi, nous ferons bonne vie.

Les conviés sont gens choisis,

Mes parents, mes meilleurs amis.

Soyez donc de la compagnie.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Васильев. О трех ипостасях Лафонтена: баснях, стихотворных новеллах и эпиграммах . . . . .</i>	5
--	---

БАСНИ FABLES

1. Le Corbeau et le Renard.	14
Ворон и Лис. <i>Перевод Вл. Васильева . . . . .</i>	15
2. Le Rat de ville et le Rat des champs.	16
Мышь городская и Мышь деревенская <i>Перевод Вл. Васильева . . . . .</i>	17
3. Le Dragon à plusieurs têtes, et le Dragon à plusieurs queues. Дракон о ста главах и Дракон о ста хвостах <i>Перевод Вл. Васильева . . . . .</i>	20
4. Les Voleurs et l'Âne.	22
Воры и осел. <i>Перевод Вл. Васильева . . . . .</i>	23
5. Simonide préservé par les dieux.	24
Симонид, хранимый богами. <i>Перевод М. Квятковской</i>	25
6. L'homme entre deux âges et ses deux maîtresses.	28
Богатей средних лет и две его полюбвицы <i>Перевод Вл. Васильева . . . . .</i>	29
7. Le Renard et la Cigogne.	32
Лисица и Журавль. <i>Перевод Вл. Васильева . . . . .</i>	33
8. Conseil tenu par les Rats.	34
Совет мышей. <i>Перевод Вл. Васильева . . . . .</i>	35
9. Le Loup plaidant contre le Renard par-devant le Singe. Судья Мандрил и тяжущиеся Волк и Лиса <i>Перевод Вл. Васильева . . . . .</i>	38
10. Les deux Taureaux et une Grenouille.	40
Два быка и Лягушка. <i>Перевод М. Квятковской . . . . .</i>	41

11. La Lice et sa Compagne.	42
Борзая и ее соседка. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	43
12. L'Âne charge d'éponges, et l'Âne chargé de sel.	44
Осел, груженный солью, и Осел, груженный губками <i>Перевод М. Квятковской</i>	45
13. Testament expliqué par Ésope.	48
Завещание, истолкованное Эзопом <i>Перевод М. Квятковской</i>	49
14. Le Meunier, son Fils et l'Âne.	54
Мельник, его Сынишка и Осел <i>Перевод Вл. Васильева</i>	55
15. Les Membres et l'Estomac.	60
Желудок и другие части тела. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	61
16. L'Aigle, la Laie et la Chatte.	64
Орлица, дикая Свинья и Кошка <i>Перевод М. Квятковской</i>	65
17. Le Renard et les raisins.	68
Лис и Виноград. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	69
18. Philomèle et Progné.	70
Филомела и Прокна. <i>Перевод М. Квятковской</i>	71
19. La femme pouée.	72
Утопленница. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	73
20. La Belette entrée dans un grenier.	74
Ласка в амбаре. <i>Перевод М. Квятковской</i>	75
21. Le lion amoureux.	76
Влюбленный Лев. <i>Перевод М. Квятковской</i>	77
22. L'homme et l'idole de bois.	80
Язычник и деревянный Идол. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	81
23. Parole de Socrate.	82
Изречение Сократа. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	83
24. L'avare qui a perdu son trésor.	84
Скупец, утративший свое сокровище <i>Перевод М. Квятковской</i>	85
25. Le Cheval et le Loup.	88
Лошадка и Волк. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	89
26. La Fortune et le jeune enfant.	92
Фортуна и юнец. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	93

27. Les médecins.	94
Врачи. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	97
28. L'âne portant des reliques.	96
Осел, несущий реликвию. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	95
29. L'Ours et les deux Compagnons.	98
Медведь и два дружка. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	99
30. L'Âne vêtu de la peau du Lion.	102
Осел во львиной шкуре. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	103
31. Le Chien qui lâche sa proie pour l'ombre.	104
Пес с куском мяса, отражавшимся в воде <i>Перевод Вл. Васильева</i>	105
32. Le chartier embourbé.	106
Увязший воз. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	107
33. La Discorde.	110
Богиня раздора Эрида. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	111
34. Les animaux malades de la Peste.	112
Мор зверей. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	113
35. Le Héron.	116
Привередливая Цапля. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	117
36. La Fille.	120
Разборчивая невеста. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	121
37. La Laitière et le Pot au lait.	124
Молочница и кринка с молоком <i>Перевод Вл. Васильева</i>	125
38. Le Chat, la Belette et le petit Lapin.	128
Кот Котофей, Куница и Крольчонок <i>Перевод Вл. Васильева</i>	129
39. Le Savetier et le Financier.	132
Сапожник и откупщик. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	133
40. Le pouvoir des fables.	136
Сила басни. <i>Перевод М. Квятковской</i>	137
41. Le Chat et le Rat.	140
Кот и Крыса. <i>Перевод М. Квятковской</i>	141
42. Le dépositaire infidèle.	144
Нечестный хранитель. <i>Перевод М. Квятковской</i>	145
43. Le Gland et la Citrouille.	150
Желудь и Тыква. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	151

44. Rien de trop.	154
Знай меру. <i>Перевод М. Квятковской</i>	155
45. Jupiter et le Passager.	156
Зевес и Мореход. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	157
46. Le chien a qui on a coupé les oreilles.	160
Пес, которому подрезали уши	
<i>Перевод М. Квятковской</i>	161
47. Les poissons et le Berger qui joue de la flûte.	162
Рыбы и пастушок, играющий на флейте	
<i>Перевод Вл. Васильева</i>	163
48. Les deux Perroquets, le Roi et son fils.	166
Два Попугая и Король с Сыном	
<i>Перевод М. Квятковской</i>	167
49. Les deux Aventuriers et le talisman.	170
Два Рыцаря и Волшебство. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	171
50. Les lapins.	174
Кролики. <i>Перевод М. Квятковской</i>	175
51. Le Lion.	180
Лев. <i>Перевод М. Квятковской</i>	181
52. Les Dieux voulant instruire un fils de Jupiter.	184
Как боги решили обучать Юпитерова сына	
<i>Перевод М. Квятковской</i>	185
53. Le Lion, le Singe et les deux Ânes.	188
Лев, Павиан и два Осла. <i>Перевод М. Квятковской</i>	189
54. Le Renard et les Mouches.	194
Лисица и Мухи. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	195
55. L'Amour et la Folie.	196
Амур и Безумие. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	197
56. Le philosophe Scythe.	200
Скифский философ. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	201
57. Le Renard et l'Écureuil.	204
Лис и Белка. <i>Перевод Вл. Васильева</i>	205
 Комментарии. <i>Вл. Васильев</i>	 206

Литературно-художественное издание

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН
БАСНИ

Ответственная за выпуск Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Алексея Соколова
Корректурa на русском языке
Анастасия Келле-Пелле, Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 06.12.2018. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 9,87. Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.rф
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-18963-02-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/